

Рустемова Л.А.

КРЫМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В.И. ДАЛЯ

Современное далеведение включает в себя ряд серьезных монографий, научных сборников, отдельных публикаций, связанных с изучением жизни и творчества современника и друга А.С. Пушкина, самобытного писателя и выдающегося ученого–лексикографа, автора знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» (1). Однако, как справедливо замечает Фесенко Ю.П., в художественном наследии В.И. Даля еще много лакун и пробелов, представляющих богатый материал для исследователей (2). **Одна из проблем**, не получившая до сих пор должного освещения – «В.И. Даль и Крым». **Цель** данной статьи – рассмотреть произведения писателя, в которых нашла отражение крымская тема.

Как известно, с Тавридой связаны отдельные факты биографии В. Даля. В 1819 году, после окончания Петербургского Морского кадетского корпуса он был направлен на военную службу в Черноморский флот, главная верфь которого находилась в городе Николаеве. В послужном списке Даля есть запись: «В службу вступил гардемарин 1816 года июля 10-го. Произведен унтер-офицером 1819 года февраля 25-го. По окончании полного курса науки произведен мичманом 1819 года марта 3-го». (3, с.61)

В течение четырех лет Даль крейсировал на фрегате «Флора» в составе Черноморского флота. Однако военная карьера оказалась недолгой. В 1823 году он был отдан под суд и разжалован в матросы за сочинение эпиграммы на главнокомандующего Черноморским флотом вице-адмирала А.С. Грейга. И хотя Даль был вскоре оправдан, произведен в офицеры и отозван служить в Балтику с морской карьерой пришлось распрощаться (4, с.17). В период службы в Черноморском флоте Даль был в Крыму, два месяца провел в Севастополе, что, естественно, нашло отражение в его творчестве.

По свидетельству Т.Я. Гринфельда «...художественная проза В.И.Даля дает возможность представить тот громадный пространственный и материальный мир, в котором сосредоточена жизнь его героев. Картины зеленой Молдавии, где течет Прут, петербургские виды с Финским заливом под дождями, с ветром и моросью в сюжетах, башкирские степи, бегучий Урал, тамбовские, смоленские, воронежские места, Черное, Балтийское, Каспийское моря, их нравы и побережья...» (5, с. 60). Писатель-реалист, имя которого прочно связано с традициями натуральной школы, стремится к предельной точности и правдоподобию в описании действительности, быта людей и картин природы. В этом плане страницы творчества В. Даля, посвященные изображению Крыма, особенно показательны. Воссоздавая Крым, Даль старается не прибегать к усложненным литературным ухищрениям и не перенасыщает свой текст, в отличие от романтиков, бурными эмоциями или философскими рассуждениями. Как правило, там где речь идет о Тавриде, писатель дает точную географическую или историческую справку. Обратимся к примерам:

Помещик «одной из новороссийских, полуукраинских губерний наших» (6, т 2, с.207) Сергей Сергеевич Бабачек «пристроил в Черноморский флот – как во время оно водилось – гардемаринами двух своих сыновей: «чтобы избавиться от шуму и драки их и уберечь гусей, утят и индюшек от метких их самострелов», «Там они носили уже виц–мундиры с кортиками и бегали иногда, в изорванных сапогах, на Попову балку – стрелять из камышовых и деревянных пушек и гонять на бойнях собак, или ходили за мост – выдирать из крутого прибрежья гнезды щуров. Но это все равно для нас; благо оба они пристроены,... об них у нас, предупреждаю читателя, более не будет и речи» (6, т.2., с.209). Далее, действительно, речь идет о вполне обыденных, житейских вещах. В повести «Бедовик» (1839) главный герой, Евсей Стахеевич Лиров, житель провинциального мифического города Малинова, преследуемый неудачами, собирается ехать в столицу в надежде получить место на службе. Скромный чиновник, честный, трудолюбивый, критически мыслящий, из разряда чудаков и с репутацией «бедовика», в дороге переживает ряд приключений. Его старый приятель, оказавшийся непорядочным человеком, отказывается взяти Лирова в Москву, обкрадывает его и оставляет одного на станции Черные Грязи. Совершенно без денег, страдая и мучаясь, он вдруг получает приглашение от проезжающего, «одного из благородных, доблестных по сердцу бояр наших» (с.64) – ехать с ним в его дилижансе. «Вельможа дорогою познакомился с Лировым поближе, спознался с ним и, узнав нужды, виды и желания его, обещал ему в самых скромных выражениях свою помощь...» (11, с.65). Но уже на следующей станции Лиров по рассеянности уселся в другой экипаж, следующий в Москву. В нем ехали знакомые ему еще по жизни в Малиновое госпожа Голубцова Мария Ивановна со своими дочерьми, одна из которых очень нравилась герою повести. Уже выйдя из экипажа, Лиров сообразил, с кем в дороге свела его судьба. Он принимает решение следовать за семейством Голубцовых в Москву, но от вновь встреченного старого друга узнает, что госпожа Голубцова с детьми уехала в Крым. «Да помилуй, братец, она только что приехала из Петербурга, может быть вчера, не прежде!» – удивляется Евсей Стахеевич – «Ну да, знаю, и прямо проехала в Крым. Чему же тут дивиться? Да коли не веришь и коли обстоятельство это для тебя важной относительности. Так спроси поди вот у моего камер–юнкера, с которым я поехал по пути; он знает ее и знает, что она уехала в Крым» (с. 77). Крым в данном случае то, что лежит за пределами привычно очерченного жизненного круга, а потому недоступного и недостижимого для героя. Остается только посочинять на судьбу и принять это как неизбежное: «Я просто бедовик; толкуй всяк слово это как хочет и может, а я его понимаю. И как не понимать, коли оно изобретено мною и, по–видимому, для меня?» (7, с.79) Лиров принимает решение вернуться в родной город Малинов и в Клину вновь встречается с семейством Голубцовых, которые тоже направляются в родное гнездо. Повесть завершается благополучным концом. Все встает на свои места. Герой получает место с хорошим жалованьем и жениться на любимой девушке.

В рассказе «Хмель, сон и явь» (1843) один из господских крестьян «взял себе в голову, что не хочет служить у господина» (6, т.2, с.356), «что ему надо быть мещанином» и, «собрав Бог весть из каких источников бестолковое сведение, что на Черном море можно приписаться, собрался и ушел». «С этого первого

похода на Черное море привели моего молодца, перехватив его где-то на перепутье, с выбритой наполовину головой; но как он твердо вознамерился достигнуть во что бы то ни стало, обетованной земли своей, то он вслед за тем попытался в другой и третий, и в десятый раз» (б.т.2., с.357). Возвратился он с деньгами, заплатил за волю 300 р. По сюжету выясняется, что он грабитель и убийца (намеревался убить остановившегося у него на ночь крестьянина Степана, а жена его отчаянно от этого отговаривала, сколько душ загубил), т.е. «земля обетованная до добра не довела. Прозвали его в селе Черноморцем».

В 1851 году были изданы «Матросские досуги» В. Даля, получившие всенародную известность. Рассказы и научно-популярные очерки, составившие сборник, адресованы, прежде всего, детям, что определило характер и слог повествования: простой, безыскусственный, образный и увлекательный. Большая часть произведений «Матросских досугов» посвящена истории русского флота, его созданию, описанию морских походов и сражений, героическим подвигам, мужеству и патриотизму российских моряков. Вполне естественно, что в них есть упоминание о Крыме, Черном море, однако эти описания лишены ложного пафоса и романтизации, только скупое и сдержанное указание времени и места действия.

Так, в рассказе «Песня» читаем: «Лейтенантский денщик сидел в Севастополе за воротами, рядом с соседом своим, греком из мелочной лавки» (б.т. 6,с.208). Грек «затянул свою заунывную песню», как оказалось, «за свюя утєцєства», и плакал. Денщик почему-то не понял, в чем горечь песни: «одна птица сидела, ну и полетела далеко–далеко, через горы, через море, через лес, через туман... далеко летит, и опять еще дальше...» (т.6,с.206).

В рассказе «Пророчество», где речь идет о начале строительства российского флота Даль пишет: «При осаде Азова в 1696 году, когда Петр Великий только что начинал расширять владения свои, заводить флоты и войско, ему принесли камень, выпавший будто бы крестьянином из земли, на коем была надпись: «Северный орел раскинет крылья свои над морями Черным и Балтийским». Петр ответил: «Желание добро: а надпись ложная» (б.т.б.с.290).

Точная констатация фактов приведена в рассказе «Бриг Меркурий», где автор сообщает о таланте и подвиге командира, капитан–лейтенанта Александра Ивановича Казарского, в турецкую войну 1819 г. Скончался «в 1833 году, 36 лет от роду, в Николаеве. Офицеры Черноморского флота поставили ему памятник в Севастополе, на мысе, при самом входе в порт» (б. т. 6.с.,220).

Особое место в рамках заявленной темы занимает повесть «Мичман Поцелуев». Произведение было создано в 30–е годы и отразило факты биографии самого писателя, о чем свидетельствует автор очерка о Дале, его младший друг и современник П.И. Мельников (Андрей Печерский): «Владимир Иванович не раз говорил, что описывая похождения Поцелуева, он разумел себя, молоденького мичмана, ехавшего в марте 1819 года из Петербурга в Николаев» (8, т.1).

Герой повести Смарагд Петрович Поцелуев, молодой человек, «с хорошими способностями, с доброю, детскою душой», родился под «благоприятным влиянием Лиры и был поэт» (б, т.2, с. 381). Он «получил дома от матери, немки, благонравное воспитание, мечтательное воображение, курчавый волос, белое лицо и голубые глаза; от отца, русского, беззаботный нрав, неглупую голову, довольно широкие плечи и крепкое здоровье. На тринадцатом году поступил он в морской корпус, пробыл там пять лет, и теперь с эполетами, шитым воротником и саблею на черном лаковом ремне через плечо, увидел свет». (б, т.2, с.382). Но беззаботная жизнь в Николаеве, куда он попадает после корпуса, скоро закончилась. Нелепая размолвка и недопонимания, возникшие в отношениях между мичманом и бараном Адель фон Адельсбургом, от которых пострадала репутация молодой дамы, заставили Поцелуева искать временной командировки, чтобы покинуть город. Как только она представилась, юный мичман «с радостным сердцем поспешил на почтовых в Севастополь, чтобы при первом открытии судоходства занять должное местечко на фрегате «Россиянка» и отправиться на нем в Сухум–Кале, крепостцу нашу на абхазском восточном берегу Черного моря» (б, т.2, с. 409). По дороге через Херсон и Перекоп по ровной гладкой, однообразной в конце января он попадает в Симферополь, а оттуда уже в Севастополь.

Подробное описание Севастополя, где в то время находилась главная база Черноморского флота, находим у Муравьева-Апостола И.М., в 1820 году посетившего Тавриду: «Я уже третий день здесь и ничего еще не успел увидеть, хотя на все смотрю, любуюсь и налюбоваться не могу. Живал я в Лиссабоне над рекою; живал в Неаполе на Кьяс; восхищался берегами Таба, заливом Неапольским... и после этого еще прельщаюсь живописными бухтами Севастопольскими... Хотя Севастополь несравненно менее столицы Португалии, но и он также расположен амфитеатром на горе; и освещенные в нем дома представляют издали картину прекраснейшую» (10., с. 55–59).

Главным командиром Черноморского флота и портов в период пребывания в Крыму Муравьева-Апостола и героя В. Даля был вице-адмирал А.С. Грейг, много сделавший для развития флота и расширения Севастополя как главной базы. Здесь проходили службу многие талантливые офицеры, будущие герои русско-турецкой войны 1828–1829 годов: капитан–лейтенант Г.А. Папахристо, лейтенант А.И. Казарский, мичман Е.П. Зайцевский. Что касается гражданского населения, то к тому времени оно было немногочисленным. «В Севастополе 25 тысяч человек и все почти есть военная команда, число граждан купечества и мещанства, включительно и отставных дворян и разночинцев не более 500 человек» (10, с. 90).

Предметом внимания героя повести В. Даля, прежде всего, стал сам город, куда он попал через Северную бухту, его внешний вид и расположение. Поцелуев «...был приятно изумлен: городок лежит довольно живописно, на склоне горы, упирающейся в зеленое море; кровля висит, – уступами, над кровлей, а прихотливое воображение расписывает за горой этой – горы и долины, водопады, кизилывы рощи, величественный Чатыр–даг и южный берег Крыма со всеми чарами и прелестями его» (10, т.2, с.109). Однако более глубоко

кое знакомство с Севастополем, его бытом глубоко разочаровывает Смарагда Петровича: «...городок был завален мичманами и для них, кроме избранных, в гостиных лишнего места не было; женатые моряки, как люди большею частью без достатка, жили очень скромно, уединенно; у поровых был уже свой знакомый круг, а шаловливой холостежи столько, что семейные люди здесь разборчивы и осторожны. Жизнь первых поневоле была скучная, одинокая и если не распутная, то, по крайности, беспутная...» (6, т.2, с. 412).

Подлежит пересмотру и довольно скептическому переосмыслению сама идея о возможности приобщения России через Тавриду к европейской культуре, поскольку далекие представители античной цивилизации, некогда пустившей глубокие корни в Крыму, выродились в торгашей и плутов. С иронией и сарказмом представлена в повести в фигуре двоюродного брата командира фрегата «Россиянка» (кстати, своими немелкими действиями погубившего корабль), грека по национальности, ведущего «родословную от архонта древней Греции, славного Еврипида» (6, т.2, с.411). Все вместе взятое заставляет героя повести с горечью и грустью осознать «в какую землю он заехал...»

Выводы. Анализ художественных произведений «Мичман Поцелуев», «Савелий Граб», «Хмель, сон и явь» позволяет говорить о своеобразном решении крымской темы в творчестве писателя. В.И. Даль ломает привычные стереотипы, сложившиеся в русской литературе вокруг образа Крыма. Для него это не «рай на земле», не «истинное сокровище России» (П.И. Сумароков), не цветущий вольный мир, надежно удаленный от холодного официального Петербурга (К. Батюшков, не земля, наполненная памятью о прошлом (А.С. Пушкин) (11), а место, географически и исторически точно очерченное, лишённое идеализации. Подобное восприятие и художественное осмысление Тавриды, намеченное в творчестве Даля, бесспорно, явилось выражением его творческой индивидуальности и свидетельствовало о преодолении традиционно-романтической темы Юга в русской литературе и утверждении реалистических тенденций в изображении Крыма.

Источники и литература

1. Порудоминский В.И. Даль. – М., 1971
2. Бессараб М.Я. Владимир Даль. – М., 1972
3. Седов А.В. Нижегородский подвиг В.И. Даля. – Нижний Новгород, 1993
4. Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. – Луганск; СПб, 1999.
5. Фесенко Ю.П. Некоторые проблемы современного далеведения // В.И. Даль – писатель и этнограф. Сб. научных трудов, посвященных 200-летию В.И. Даля. – Торжок, 2003. С.12–26.
6. Локотош Б.Н. Вл. Даль и Украина // В.И. Даль 200 лет. Шестые международные Далевские чтения. – Луганск. – 2001
7. Седов А.В. Преданный друг А.С.Пушкина.– Арзамас., 2000.
8. Гринфельд Т.Я. «Материальность» природы в художественных произведениях В.И.Даля // Пятые Международные Далевские чтения:
9. Тезисы. Статьи. Материалы.– Луганск.,1996.
10. Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского). Т.2 – СПб. – М., 1897.
11. Даль В. Избранные произведения. – М., 1983
12. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Критико-биографический очерк // Полное собрание сочинений Владимира Даля (казака Луганского), в 10 т., т.1 – СПб. – М, 1897
13. Крестьянников В.В. Ахтиар: год 1820-й. каким мог увидеть Ахтиар (Севастополь) в 1820 году А.С. Пушкин, если бы посетил его? // Пушкин и Крым. Крымские Пушкинские Международные чтения. Книга 2. – Симферополь, 2000, с. 87–92
14. Муравьев-Апостол И.М. Путешествия по Тавриде в 1820 году. – СПб, 1823.
15. Поэтический атлас Крыма. – Симферополь,1989

Сапрыгина Н.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЭТА-СОВРЕМЕННОКА, ОТРАЖЁННОЕ В РАССКАЗЕ А.ГРИНА «ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ»

Взгляд на творчество Александра Грина как на примитив отошёл в прошлое. Тем не менее эстетическое своеобразие писателя трактуется односторонне, поскольку исследования гриновского творчества идут в направлении доказательств романтизма писателя [11, с. 9]. Между тем Грин – не только современник серебряного века. Писатель связан с духовными и эстетическими исканиями представителей художественных направлений этого периода, в частности, символистов.

Сравнительное литературоведение изучает влияние одних текстов на появление других. Но мы хотим рассмотреть не влияние текстов, а влияние личности их автора, которое отражается в появлении образа, сходного с этой личностью, в произведениях другого автора. Межличностное влияние, выражающееся не в подражании, внушении и конформности [12, с. 83], а в оригинальных творческих актах, в психологии также не описано.

Цель статьи – выявить, кто является прототипом рассказа Грина «Искатель приключений», описать, как отразилось влияние личности значимого современника в творчестве Грина.

Рассказ А. Грина «Искатель приключений» опубликован в 1915 году.